

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет

им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У БИОГРАФИСТИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ?

Аннотация: статья посвящена противоречиям современного высшего образования в области исторического знания. Указанные противоречия, по мнению автора, не способствуют развитию биографического направления в преподавании и изучении истории.

Ключевые слова: биографистика, методика высшего образования, личность, воспитательный процесс.

Современная научная историческая биографистика в России имеет относительно недавний возраст. При этом сама традиция изучения биографий, а вернее жизнеописаний выдающихся персоналий, конечно, имеет давний характер. Однако большая часть подобных биографий имела ярко выраженную официальную окраску, не выходя за определенные, жестко установленные рамки. Это общая черта биографических изданий прошлого, восходящая не сколько к идеологическим канонам прошлого, сколько к монархическим жизнеописаниям и житиям святых.

Наиболее интересные изменения в этом направлении произошли, как подчеркивает большинство специалистов в данной области, в 80–90-е годы XX в., когда исследователи стали уделять все большее внимание микроистории. Это позволило сделать объектом изучения жизнь «типичного» человека своей эпохи, или так называемого человека «второго плана». В результате была разработана новая методология исследований, сделавшая объектом изучения целую плеяду мало известных ранее имен [1, с. 8; 2, с. 288].

Тем не менее, следует отметить, что данная категория исторических персонажей обязательно обладает яркими личностно выраженными качествами: «это – фигура такого калибра, которая как минимум выделяется из толпы» [3, с. 25] Запомним для себя эту особенность в понимании современной биографистики.

Теперь, собственно, следует задаться вопросом, вынесенным в заглавие данной статьи. Вопрос этот возник в связи с явно возникшим диссонансом между требуемым содержанием современной биографистики и пропагандируемой новой методикой высшего образования.

Этот диссонанс явно прослеживается в трех аспектах. Первый и наиболее явный из них – активное внедрение различных форм электронного обучения. Озаботившиеся результатами этого процесса коллеги выделяют в качестве его негативных последствий следующие: «обезличивание преподавателя, обезличивание студента, обезличивание процесса обучения» [4, с. 454]. Не считая что позиция критиков онлайн курсов единственно правильная, отметим тем не менее, что явный повод для тревоги есть. При этом теряется не только возможность живого общения преподавателя и студента, но и студентов между собой. Теперь представьте себе, что подобный характер обучения мы будем наблюдать не по одной или двум дисциплинам, а по всем. Как мы тогда сможем по выходу получать выпускников, обладающих навыками работы в коллективе, организаторскими способностями, то есть теми личностно ориентированными качествами, которые составляют предмет изучения современной биографистики.

Обезличивание без сомнения пагубно скажется на эффективности воспитательной работы. Этот вид работы сам по себе имеет определенные сложности в вузе. В этом отношении историческое образование отличается в выгодную сторону, так как с одной стороны именно на него возлагается особая ответственность, с другой – оно способно использовать более широкий арсенал методик и непосредственного воздействия. Достаточно привести примеры деятельности военно-патриотических клубов, обществ, кружков, существующих в ряде высших учебных заведений именно при исторических факультетах. Успех их рабо-

ты состоит именно в соединении теоретических знаний в области исторической науки и практической работы поисковика, когда студенты получают возможность живого ознакомления с трагическими сторонами великой истории великой страны. При этом вполне естественно, что формы кружковой работы или волонтерской деятельности не могут охватывать всех обучающихся в вузе, за ее бортом остается еще значительная масса студентов, имеющая свои личные предпочтения. Что остается на их долю? Видимо воспитательная работа с использованием видеосвязи. В связи с этим не могу отказать себе в удовольствии задать еще один риторический вопрос: имеет ли кто-то из нас многолетний опыт (не разового общения) воспитания собственных детей по скайпу? Хотелось бы познакомиться с оценками степени эффективности подобной формы воспитания.

Второй аспект выше указанного диссонанса – содержание самого учебного процесса на современных исторических факультетах. Современные учебные планы бакалавриата содержат в себе массу, мягко говоря, не очень значительных учебных дисциплин, удельный вес каждой из которых в количестве часов не велик. Однако каждая из них требует значительной трудоемкости на стадии разработки. Преподавание их также представляется не слишком продуктивным, так как в результате учебный день преподавателя превращается в калейдоскоп дисциплин, часто весьма разнообразных по содержанию. Постоянное появление все новых спецдисциплин и спецкурсов обусловлено необходимостью внедрения новых специализаций и специальностей, конкурентной борьбой за контингент обучающихся и в конечном итоге за учебную нагрузку. В современной методике высшего образования это считается чертой, присущей индивидуализации обучения, ориентации на потребности обучающихся, расширения рынка образовательных услуг.

Позитивные примеры подобной структуры учебных планов, конечно, тоже есть. Если спецдисциплина является прямым результатом научных исследований преподавателей, сферой его научных разработок, то по выходу мы получаем авторский продукт, вызывающий в том числе живой интерес обучающихся к

личности самого преподавателя, его методологии и практическому вкладу в науку. Сколько таких спецкурсов, имеющих прямое отношение к сфере исследований преподавателя, может быть им разработано? Возможно 5–6, возможно больше. А если 10 или 15? Как тогда? Где заканчивается профессиональный подход преподавателя-исследователя, которого так хочет иметь современная высшая школа, и начинается формальное выполнение профессиональных обязанностей декламатора чужих текстов?

С точки зрения подхода к роли преподавателя как медиатора в учебном процессе такое возможно, однако ожидать высокого качества подготовки специалистов-выпускников вряд ли придется. Подобное формальное преподавание, не связанное со специализацией самого педагога-историка, не может служить позитивным примером личностной значимости преподавателя. При этом речь идет о современнике студентов, которого они наблюдают практически ежедневно. Но мы то хотим вызвать интерес к личностям ученых, преподавателей, интеллектуалов прошлого, о которых современные студенты часто имеют очень смутное представление. Может ли возникнуть интерес к биографистике, если в своем непосредственном восприятии обучающиеся наблюдают совсем другое – механическое воспроизведение педагогом чужого набора штампов.

И, наконец, третий, возможно наиболее важный аспект, на который указывают социологи и психологи. Обезличенное обучение обезличенными преподавателями приводит к общественному обезличиванию, следствием которого является дегуманизация. Между тем изначальной целью реформы образования был как раз обратный процесс. Психологи, например, хорошо знают об эффекте эксперимента Милгрэма, проведенного в Йельском университете в 1963 г. Испытуемые наказывали током своих якобы «учеников» за неправильные ответы. Было замечено, что это гораздо легче делать, если «ученики» находятся в другой комнате и испытуемый не может непосредственно наблюдать его страданий. При этом ударам током в «ученики» в действительности не подвергались, о чем испытуемые, конечно, не знали.

Не могу в связи с этим обойтись без цитаты из пособия по управлению конфликтами известного психолога В. Шейнова: «Именно обезличивание врага облегчает для летчиков бомбежки (летчики не видят людей, а лишь объекты), а для артиллеристов – стрельбу по наблюдаемому противнику... известно, что в нацистских концлагерях охрана относилась к узникам снисходительнее, если знала их по именам» [5, с. 318].

А вот теперь нам остается закончить статью ее заголовком: вы еще ждете успехов биографистики в историческом образовании российской высшей школы?

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Ф.Н. Фортунатов – выдающийся представитель учительской династии // Патриотизм в России: история и современность (к 400-летию воцарения династии Романовых). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2013. С. 7–15.

2. Агеева Н.Н. Портрет интеллектуала: к 165-летию С.Ф. Фортунатова / Н.Н. Агеева, Т.Н. Иванова // Диалог со временем. – 2015. – №50. – С. 287–306.

3. Мининков Н.А. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя / Н.А. Мининков, А.В. Корневский, А.Е. Иваненко // В тени великих: образы и судьбы. Сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории» / отв. ред. Л.П. Репина. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 19–29.

4. Ченушкина С.В. Проблема обезличивания в условиях электронного обучения // Наука. Информатизация. Технологии. Образование: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. «Новые информационные технологии в образовании и науке. НИТО-2018», Екатеринбург, 26 февраля – 2 марта 2018 г. // ФГАОУ ВО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2018. – С. 453–457.

5. Шейнов В.П. Управление конфликтами. – СПб.: Питер, 2014. – 576 с.